

Туфанова О. А.

О РОЛИ СИМВОЛИКИ СВЕТА В "ИНОМ СКАЗАНИИ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/82.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 188-190. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

фективно выполнять присущие ей функции, а в исследовательском аспекте позволяет правомерно выделять этот стиль. Специфика газеты как продукта общественной деятельности, а также особенности массовой коммуникации и средств массовой информации объективно приводят к необходимости признания газетно-публицистического стиля как одного из функциональных стилей.

Список использованной литературы

1. **Барченко А. А.** О системном анализе газетного клише // Вопросы стилистики английского языка: Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. - М., 1980. - Вып. 155.
2. **Васильева А. Н.** Газетно-публицистический стиль речи. - М.: Изд-во «Русский язык», 1982. - 134 с.
3. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. - М.: Наука, 1981. - 140 с.
4. **Жук В. С.** Функции лексики разговорной речи в газетном тексте // Интегративная функция стилистико-композиционных приемов в английском языке: Сб. научн. трудов. - М., 1983. - Вып. 215.
5. **Заводовская Т. А.** Социально-коммуникативная и жанровая обусловленность просторечной лексики в английской газете // Текст в функционально-стилевом аспекте. - М., 1988.
6. **Костомаров В. Г.** Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. - М.: Изд.-во Моск. ун.-та, 1971. - 271 с.
7. **Наер В. Л.** К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка // Лингвостилистические особенности научного текста. - М., 1981.
8. **Федосюк М. Ю.** В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры: Материалы Всерос. науч. конф. - Ростов-на-Дону, 1998. - Вып. 4.

О РОЛИ СИМВОЛИКИ СВЕТА В «ИНОМ СКАЗАНИИ»

Туфанова О. А.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

«Иное сказание», созданное в первой трети XVII столетия на основе «Повести 1606 г.» и носящее ярко выраженный книжный характер, охватывает период от царствования Бориса Годунова до времен правления Алексея Михайловича [История 2007: 366]. Памятник пронизывает система сквозных мотивов и тесно связанных с ними символов. Так, например, Борис Годунов уподобляется в тексте «древнему змию», который «смертоносный ядь свой» «изблева» [Памятники 1925: 5]. С этим символом тесно связаны трагические мотивы прельщения, смерти. Лжедмитрий I именуется в памятнике «кровоядным лвичищем» (32), образ-символ которого вводит в повествование мотивы пролития крови и смерти. Лжедмитрий II сопоставляется с «кроволакательным псом» (117), и его образ также раскрывается с помощью мотивов злобы и пролития крови. Обилие трагических символов и мотивов, пронизывающих художественную ткань произведения, объясняется в первую очередь трагедийным характером самих исторических событий 1604-1613 гг. Символика света в «Ином сказании» представлена в количественном и качественном соотношении значительно беднее. Она не имеет сквозного характера, используется автором фрагментарно. И тем не менее исследование символики света имеет, на наш взгляд, важное значение для выявления идейно-художественной концепции автора «Иного сказания».

Условно все фрагменты, в которых встречается символика света, можно разделить на две тематические группы, каждая из которых выполняет определенную функцию в памятнике.

Первая группа символов, появляющаяся в начале и в конце «Иного сказания», служит своеобразным обрамлением к основному содержанию о трагических событиях Смутного времени. Повествование начинается с краткого рассказа о смерти Ивана Грозного: «бысть въ лето 7092-е, въ неже преставися благоверный и христоролюбивый и во благочестии пресветло сияющий государь царь и великий князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русии самодержецъ» (1) - и последующего упоминания о двух его сыновьях: «И по немъ останася его царскаго корене две пресветлии отрасли, сынове его, царевичъ Федоръ Ивановичъ всеа Русии, да мний его братъ царевичъ Дмитрей Ивановичъ всеа Русия...» (1). Завершает рассказ о «нестроениях» в Русской земле глава о восшествии на престол «государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца» (128), время правления которого рассматривается автором как «весна благодатного бытия», как «струя светлотекущаго жития» (128), как свет самого Бога: «великаго Бога светъ возсия» (128).

Уподобление князей, царей и их отпрысков свету встречается во многих памятниках средневековой русской литературы [Адрианова-Перетц 1947: 21-35]. Однако традиционная метафора «царь/князь - свет» осложняется в тексте «Иного сказания» дополнительными смысловыми оттенками. Повтор эпитетов «пресветло сияющий» - «пресветлии» в начале повествования сопровождается не менее традиционным, но весьма значимым в контексте рассказа о Смутном времени повтором формулы «всеа Русии самодержецъ» - «царевичъ... всеа Русии». Эта же речевая формула употребляется и в повествовании о царствовании Михаила Романова (128, 130). Выражение «всеа Русии», при всей своей традиционности, играет важную роль для понимания историко-художественной позиции автора. В эпоху Смутного времени, согласно тексту «Иного сказания», русское общество не представляло собой единого целого. Раздробленность страны была обусловлена не только польско-литовской интервенцией, обилием «самозванных» претендентов на русский престол, но и разбродом и шатанием в самом русском обществе, особенно в период противоборства Годунова и Лжедмитрия I. Из текста «Иного сказания» следует, что русское общество раскололось на тех, кто служил Году-

нову, и тех, кто верил, что Лжедмитрий I - чудом выживший царевич Дмитрий. Власть обоих оказалась недолговечной, ибо оба незаконно занимали царский престол, не имели общенародной поддержки и действовали по «научению» дьявола (3; 33). Поэтому по отношению к «святоубийце» Годунову и «проклятому еретику» Отрепьеву автор ни разу не употребляет речевую формулу «всёа Русии», в отличие, например, от Василия Ивановича Шуйского. Исследователи памятника не раз отмечали, что составитель «Иного сказания» выражал интересы боярской верхушки и возвеличивал личность Шуйского [История 2007: 366]. Очевидно, именно этим объясняется использование речевой формулы «всёа Русии» по отношению к «великому князю Василию Ивановичу» (71,73). Однако ни в одной из глав, посвященных правлению Шуйского, данную речевую формулу не сопровождает символика света. Между тем в повествовании о последних представителях рода Калиты и в главе, описывающей приход к власти Михаила Романова, символика света постоянно сопутствует традиционной формуле именованию царей. Очевидно, метафора «свет» в сознании автора применима не ко всем правителям Руси, а исключительно по отношению к законно избранным всем народом царям, которые были способны объединить русское общество, восстановить или сохранить целостность Русского государства.

Не менее значимы в тексте и эпитеты «христоролюбивый», «благочестивый», «благородный», также постоянно употребляемые автором по отношению к Ивану Грозному, его сыновьям и Михаилу Романову, при котором «соборная... церковь... паки солнце правды светлую лучи благодати своея намъ возсия, имъ же видехи вси светъ великъ» (131). Они тоже вносят дополнительный смысловой акцент: истинный «царь-свет» имеет благородное происхождение [не случайно, видимо, автор подробно останавливается на происхождении Михаила Романова, указывая на родственные узы, которые связывали его мать с родом Ивана Грозного (129)], отличается благочестием, и, главное, его избрание на царство угодно Богу [«великаго Бога светъ возсия» (128)]. Только такой царь является истинным государем «всёа Русии», царем-светом. Таким образом, использование семантики света в обрамлении повествования о Смуте подводит к пониманию взгляда автора на проблему законной власти.

Вторая группа символов света используется автором в основной ткани повествования. Она также немногочисленна и представлена в большинстве случаев метафорой «солнце». На фоне множества библеизмов, имеющих явную негативную семантику (Годунов - «второй Иуда предатель» (6, 10), Лжедмитрий I - «Содома и Гоморра оставшую главною» (17) и др.), с помощью которых автор дает «нравственную оценку» лицам и событиям [Михайлова 2001: 210-212], семантика света (метафора «солнце» и ее синонимические разновидности) выполняет роль своеобразного этического принципа разделения государственных деятелей эпохи Смутного времени на положительных и отрицательных. Причем положительных героев, в характеристике которых в том или ином выражении присутствует символика света, значительно меньше, чем отрицательных персонажей, для характеристики каждого из которых употребляется не один, а несколько негативных символов. Например, Лжедмитрий I, по мнению составителя «Иного сказания», - это и осколок «Содома и Гоморры», и «кровоядный лвичищ», и «змей», и «сатанин угодник» и т.д. В сопоставлении с этим рядом отрицательных символов положительная символика света представлена довольно скупо. Так, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, вставший во главе народного ополчения, сравнивается с «древним Гедеоном», уподобляется «солнечнымъ любовнаго луча светомъ» (127). Такую высокую оценку, вводимую образом «солнечных лучей», Пожарский заслужил в глазах автора «Иного сказания» не столько даже своим «добронравием», сколько тем, что сумел объединить раздробленные силы для борьбы с интервентами. Не случайно в рассказе о сборе ополчения автор постоянно употребляет местоимение *всех* и глагольную лексику со значением «объединения»: «Собравъ... собра полки многия... надъ всеми быти совосприподоби... военачалники совокупи... всехъ сердца... укрепляя... военачалники совокупи и всехъ храбрыхъ благочестиваго воинства во едино собра» (127-128). Изгнание из Москвы «литовцев» описывается автором в соответствии с заданной метафорой как разгон темных облаков: «разнашася темныя облацы толикихъ великихъ належасихъ золь» (128). Противоборство войска Пожарского и «литовцев» осмысливается в природных, космических образах, восходящих к древнейшей антитезе «свет-тьма», но автор здесь несколько отступает от традиционного толкования контрастных символов и приближает описание к реальному образу солнечных лучей, способных разгонять тучи.

Более ярко и в то же время более традиционно метафора «солнце, свет» представлена в повествовании об обретении мощей царевича Дмитрия. В средневековой христианской литературе, в частности в гимнографии и агиографии, постоянно встречается уподобление мученика, умирающего за веру, солнцу или светилу [Адрианова-Перетц 1947: 28-29]. В «Ином сказании» «беззаконно» убиенный царевич Дмитрий называется «благочестивым и добропобедным мучеником» (8). Его праведность и невинность подчеркиваются явными перефразами с Евангелием от Матфея (13: 43): «Тогда праведность просветятся яко солнце в царствии отца их». «Святая душа» царевича Дмитрия, согласно тексту, «возлететь... ко престолу трисолнечнаго Божества» (8), сияет «яко солнце... яко светило светло» (9) «посреде божественныхъ ангель» у престола «первого Света». По наблюдениям В. П. Адриановой-Перетц, «евангельское изречение... дало толчок к образованию словесной формулы, обозначающей святость подвижника, у которого после смерти лицо становится «светлым, яко солнце» [Адрианова-Перетц: 29]. Автор «Иного сказания» творчески переосмысливает древнюю формулу: «страдальческое тело» царевича, пишет он, «на земли оста, обогрено кровию, сияя яко солнце» (9). Царевич Дмитрий, новый «страстотерпец», «просиявый, яко солнце от захождения своего възде» (95-96), «мир просветил» (87) своими чудесами исцеления. Неоднократно автор при описании обретения мощей ца-

ревича использует речевую формулу - «просиявшего в чудесехъ»(16, 87, 64 и др.) - и почти каждый раз сопровождает ее упоминанием о том, что многим людям были ведомы «князя Дмитрея Ивановича преславные чудеса»: «всеми были людемъ ведомы» (87). Появление нового чудотворца в Русской земле в период страшных «нестроений» представляется автору проявлением Божьего милосердия по отношению к русским людям. Новый «великий светильник» (87) своим «пресветлымъ явлениемъ» «яко стужу отъ сердець нашихъ отгналъ есть, ею же знобими быша и конечно вси изнемогоша по захождении его; и великую скорбь и печаль нашу днесъ на радость преложилъ есть всеми людемъ въ великой Росии» (96). Обретение Русской землей нового чудотворца «отъ скипетродержавныхъ» (95) рассматривается автором как возрождение: чувства изнеможения, великой скорби и печали, испытываемые всеми русскими людьми по поводу убийства царицы, сменяются чувством радости и веселья, поскольку теперь у всех «Рустии народи» появилась надежда на избавление «отъ толикихъ бедъ и напастей» (96). Метафора «свет» в данном случае оказывается довольно устойчиво связана с понятиями «радость» и «возрождение».

Таким образом, символика света, представленная в памятнике через повторяющиеся эпитеты «пресветло сияющий», «пресветлии» и метафоры «солнце», «солнечные лучи», выполняет в тексте «Иного сказания» роль этического критерия в оценке лиц и событий эпохи Смутного времени. Будучи противопоставленными в тексте памятника трагедийным символам, метафоры «свет», «солнце» становятся символами законности власти, угодной Богу, символами единения и возрождения Русской земли.

Список использованной литературы

1. **Адрианова-Перетц В. П.** Очерки поэтического стиля Древней Руси. - М.-Л., 1947.
2. **История русской литературы. Древнерусская литература:** Учебное пособие для вузов / С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. - М.: Дрофа, 2007.
3. **Михайлова Т. В.** Свидетельства праведности царской власти в повестях Смутного времени // Религия и нравственность в секулярном мире: Материалы научной конференции. - СПб., 2001. – С. 209-214.
4. **Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени.** - Л., 1925. - Изд-е 3. - Т. XIII. - Вып. I.

ИНТОНАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕПЛИКИ-СТИМУЛА И РЕПЛИКИ-РЕАКЦИИ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗ ВЕЖЛИВОГО ПРЕРЫВАНИЯ РАЗГОВОРА)

Тюрина С. Ю.

Ивановский государственный энергетический университет

Изучение вариативности интонации в разных стилях речи вызывает огромный интерес учёных. Выбор интонационных средств говорящим зависит от целого ряда факторов: от формы и степени официальности общения, степени знакомства собеседников, их индивидуальных особенностей; экстралингвистический контекст и речевая интенция или целеустановка говорящего во многом определяют выбор тех или иных интонационных средств.

В отечественной науке методика изучения речевой интонации включает использование системных принципов анализа просодических характеристик речи. В данном исследовании речевая интонация рассматривается как система, что предполагает выявление её свойств и характеристик, определяемых разнообразными типами внутренних и внешних связей составляющих её просодических элементов.

В изучении звуковых особенностей языка используются как субъективные, так и объективные методы исследования. Объективный метод представляет собой научный приём, состоящий в том, что звуковые особенности языка изучаются посредством звукозаписывающей и звукоанализирующей аппаратуры. Среди субъективных методов исследования центральное место занимает слуховое наблюдение, основанное на восприятии звуковых особенностей языка на слух.

Основной целью настоящей статьи является описание интонационных моделей взаимодействия реплики-стимула и реплики-реакции в диалогическом дискурсе, содержащем формулы вежливого прерывания разговора.

Для решения данной задачи использовалась комплексная методика экспериментально-фонетического исследования. Основным методом исследования был избран слуховой анализ.

В результате слухового анализа были выделены следующие терминальные тоны, использующиеся в оформлении реплик - реакций: Low Fall, High Fall, Low Rise, Fall Rise, Level Tone.

Основным терминальным тоном, участвующем в оформлении реплик-реакций собеседника на прерывание разговора, является низкий нисходящий, что составляет 55,5% от общего количества реплик. В равном количестве встречаются высокий нисходящий и нисходяще-восходящий (по 8,9%), несколько чаще - низкий восходящий (11,1%) и ровный тон (15,6%).

Исходя из того, что реплики диалогического единства находятся в тесной взаимосвязи, можно предположить, что интонационные средства реплики-стимула и реплики-реакции также взаимодействуют.

В результате проведённого эксперимента был сделан вывод об определённых интонационных закономерностях, указывающих на взаимодействие реплик диалогического единства при использовании формул вежливого прерывания разговора.